

ЭО, 2009 г., № 1

© Е. Ф. Фурсова

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА СТАРООБРЯДЦЕВ ВАСЮГАНЬЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ*

Для наблюдений над процессами межэтнического взаимодействия весьма ценным является изучение локальных групп, существующих во множестве территориальных, культурных, конфессиональных, диалектных вариантов. Особый интерес представляют общности, по нескольку раз совершавшие на протяжении своей этнической истории миграции, какими является большинство старообрядческих групп России. Исследование принципов взаимодействий и культурных трансформаций в среде восточнославянских народов весьма плодотворно в Сибири, где русские, украинцы и белорусы проживали в контакте друг с другом и другими народами.

На протяжении 1990-х годов автору довелось периодически посещать новосибирскую и омскую федосеевские общины (*федосеевцы* – одно из беспоповских направлений русского старообрядчества). Члены общин позволили ознакомиться с сохранившимися записями наставников, покаянными письмами, духовной литературой, а также с содержимым хозяйственных помещений, сундуков (полотенцами, одеждой, культовыми предметами). В этот же период (1993–2001 гг.) осуществлялись поездки в районы Васюганья с целью сбора этнографического материала в селениях старообрядцев – деревнях Бергуль, Макаровка, Северное, Ичкала, Кыштовка и др. Вспомогательным источником послужили данные фондов Томского госархива, позволившие уточнить и проверить устные сообщения о местах переселения староверов.

По рассказам стариков, группа старообрядцев, поселившаяся в Васюганье, из-за недостатка земель в 1903–1919 г. мигрировала в Сибирь из губерний Российской империи, административно относящихся ныне к Белоруссии, Литве и Латвии. Поборники "истинной христианской веры", стремясь сохранить целостность культурных традиций, селились в отдаленных и труднодоступных местах, и не случайно ими были избраны места по р. Таре ближе к болотистому Васюганью. Согласно полевым материалам, первой здесь была заселена в 1903–1907 г. д. Бергуль, а затем от нее отделились Макаровка, Платоновка и Морозовка. До настоящего времени сохранились только два, широко известных к тому же своими песенницами, селения Бергуль и Макаровка; еще одна группа переехала далее на восток по р. Иксе и образовала д. Козловка.

В наиболее рано освоенном переселенцами Бергуле до приезда русских старообрядцев проживали, по сообщениям с мест, мордва (мокшане), чуваша, приехавшие ранее, примерно в 1890-х годах. Основная масса переселенцев и их потомков в верховьях

Елена Федоровна Фурсова – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск).

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 07-04-90404а/Б).

р. Тары связывала свое происхождение с г. Глубоким и селами Глубоковского у., входившими на момент переселения в состав Виленской губ. (деревни Апидомы, Ластовичи).

Часть пришельцев выехала из Дриссенского у. Плисской вол. (д. Задорожье?), Полотского у. (деревни Беляны, Совет) Витебской губ. Нельзя также оставить без внимания сообщения информантов, назвавших родиной дедов Ригу, около которой, как известно, в окрестностях Режицкого, Динабургского и других уездов проживал значительный массив староверов-федосеевцев (*Сементовский* 1872: 14–19). Хорошо проработанные и проверенные А.А. Завариной архивные данные позволяют видеть в качестве предков основных этнографических групп старообрядцев Витебской губ. – северо-западных русских из Новгород-Псковского края и из Москвы, мигрировавших сюда в начале второй половины XVIII в. (*Сементовский* 1872: 14; *Заварина* 1986: 15–19).

Группы западных старообрядцев, несомненно, выделялись на фоне сибиряков-кержаков особенностями речи, антропологического типа, элементами духовной и материальной культуры. Современные потомки этих первопоселенцев обладают и сейчас ярко выраженным русским этническим сознанием, подчеркивая, что на местах прежнего места жительства в Белоруссии их мужчин звали "москалями-староверцами", а женщин "московками". Прибывшим, а затем и последующим поколениям пришлось смириться с полученным в Западной Сибири названием – "кержаки", что, как известно, здесь означало и означает до сего дня сторонников староверия (обобщенно называемых так от названия кержаков, живших по р. Керже в Нижегородской губ.).

Таким образом, для васюганских старообрядцев характерна не только общая самоидентификация, но также представление об общей прародине. Среди различных слоев населения д. Бергуль распространена "история" о заселении сибирских земель. В качестве первых поселенцев местные жители указывали три семьи (большие братские семьи. – *Е.Ф.*): трех братьев Хохловых (Константина, Емельяна, Акая/Андрея), двух братьев Гнутовых (Антон, Астрата), трех братьев Ивановых (Савина, Авдея, Макара, последний из которых был впоследствии известен под фамилией "Старков"). Архивные материалы – списки переселенцев Томской казенной палаты – подтверждают удивительную стойкость коллективной памяти старообрядческих общин: совпали не только фамилии, но и имена первых насельников по данным "устной истории" и документам о крестьянах, получивших ссуды (ГАТО 1: 1–22).

В разговорном диалекте васюганцев слышится явственное "аканье" и "яканье", свойственное южнорусским и западнорусским крестьянам; многие лексические особенности речи не находят аналогий у сибиряков-старожилов, как известно, в основе своей севернорусского происхождения. У старообрядцев по р. Таре можно и сегодня услышать множество специфических слов, не встречавшихся у сибиряков-старожилов, но фиксировавшихся В.И. Далем для Новгородской, Псковской, а также Вологодской и других севернорусских губерний: "барканы" – морковь, "калика" – репа, "гоноболь" – голубика, "курмель" – рыба пескарь, "мост" – пол (от слова "мостить", "мощный" и пр.). Сохранились также старорусские, скорее всего тоже северного происхождения устойчивые приветствия "милости просим", выражения типа "рады не даешь" (не сможешь), "еретик лобатый" (ругательство) и пр. В ряду других диалектных слов проявлялось белорусское влияние, которое выражалось в названиях скворцов – "шпаки", картофеля – "г/бульба" и др.

По сообщениям стариков, васюганцы по своему вероисповеданию всегда признавали только два таинства – крещение и покаяние, что, как известно, характерно для беспоповщины. К тому же они относились к беспоповцам-"безбрачникам", т.е. строго придерживались учения о безбрачии. Поскольку в местах прежнего проживания за-

падных старообрядцев были распространены из беспоповских толков не только федосеевский, но и филипповский, то можно предположить переселение на земли Васюганья сторонников тех и других. Подтверждением принадлежности данной группы именно к сторонникам федосеевского согласия говорят факты посещений их городскими родственниками соответствующих моленных городов Новосибирска, Омска. В прежней Шипицынской вол. Каинского у. моленные дома были в двух рядом расположенных деревнях – Бергуле и Платоновке.

Особенности материальной культуры. Ярким примером сохранения выраженных локальных элементов традиционной культуры, с одной стороны, высоких адаптивных свойств, с другой стороны, являются строительные традиции российских переселенцев на границе Северной Барабы и Васюганья. Для строительства жилых домов переселенцы из западных губерний Европейской России использовали в основном деревья хвойных пород, за которыми ездили в болотистые леса Васюганья и которые сплавляли затем по р. Таре. Планировка крестьянского двора относилась к замкнутому варианту; двор делился на передний, "чистый", и задний, или "скотный". В пос. Северное, д. Бергуль преобладали усадьбы с частичным перекрытием пространства двора. Избы возводились в основном на высоком и среднем подклетах, что, как известно, характерно для Русского Севера (Власова 2001: 204). Как и у северных крестьян, в жизни васюганцев большую роль играла баня. "В печах не мылись, бани были всегда", – вспоминала о детских годах К.В. Белова из д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл.

Меньшая зажиточность в сравнении с ранее переселившимися сюда старожилами-чалдонами (старожильческая этнографическая группа Сибири в отличие от переселенцев начала XX в.) проявлялась в количестве и качестве традиционной одежды, например, в том, что основной используемой тканью являлась холстина. Лучшего качества волокно называлось *кужалек*, из которого ткали полотно для мужских и женских рубах, полотенец, о чем упоминается во многих девичьих песнях и играх (Фурсова 2003: 54).

Для праздничных нарядов покупались хлопчатобумажные ткани разнообразных расцветок. Однако старообрядки всегда следовали неукоснительному правилу не выбирать ткани чрезмерно кричащих, бросаких цветов. Шерстяные ткани домашнего изготовления шли на шитье верхней одежды, например, кафтанов, а ткани из сочетания шерсти с льняными нитями – *шабуров*. Суровые климатические условия вынуждали широко использовать в зимней одежде меха. В основном это были овчина, гораздо реже собачина (на рукавицы). Шелковые ткани, видимо, использовались очень ограниченно. О шелковых рубахах, поясах, лентах можно услышать в лирических и обрядовых песнях западных старообрядцев, где шелковая одежда служит метафорой, подчеркивающей благородство образа героя: "Вот ведут, ведут Ванюшу,/На нем ветер кудри вьет/На нем шелкова рубашка/Ой, тетиву руками рвет...". Или: "Заплетися, плетень, заплетися,/Ты завейся, труба золотая,/Завернися лента шелковая...".

В конце XIX – начале XX в. среди женщин был распространен комплекс одежды с *сарафаном*, характерный для русских Европейского Севера. В отличие от старообрядок соседних селений, которые знали сарафаны закрытого типа (*горбачи*, *горбуны*), западные переселенки носили сарафаны-*шубейки*, сшитые из цельного переднего полотнища на узких лямках-*проймах*. Переднее полотно продолжалось и образовывало квадратную деталь, которая называлась *огрудья*, *грудина*.

Одеждой, надевавшейся под сарафан, была рубаха. По своему покрою она относилась к общеславянским рубахам со вставками-*прорамками* на плечах и присборенным воротом. Прорамки вставлялись по утку полотен рубахи, что типично для севернорус-

ской и белорусской традиций (Маслова 1956: 607). Повседневные и праздничные рубахи, как и у многих русских других областей России, шились из двух частей: верхней, *подставы* (по р. Иксе – *оплечье*), на которую использовали покупные, узорчатые ткани, и нижней, обычно холщовой, *станушки*. Ворот застегивался спереди на одну пуговицу и обшивался невысоким стоячим воротником-*воротком*. Нами зафиксированы и рубахи с отложными воротниками, которые, как известно, более характерны для белорусов и части украинцев. У старообрядок Васюганья существовали и иные типы рубах – туникообразные, которые сохранились в погребальных костюмах. В одних рубахах-*станушках* (без сарафанов) работали на поле во время жатвы, сенокоса.

Дополнительной деталью женского костюма был передник – *фартук*, который не позволялось надевать во время общественных молений и даже при чтении молитв в домашней обстановке.

Девушкам полагалось носить единственно допускаемую с точки зрения традиций прическу – одну косу, а из головных уборов – платок, повязывавшийся под подбородком. Смена девичьего убора на женский происходила в первый день свадьбы в доме жениха. Типичных для сибирских кержачек головных уборов в виде шапочек-шашмур западные старообрядки не знали. Некоторые пожилые женщины Бергуля вспоминают об уборах, носившихся их бабушками – *капшуках*, а в Козловке – *кокошниках*. И те и другие представляли собой мягкие шапочки, собиравшиеся вокруг головы, которые носили дома, а при выходе за пределы двора покрывали поверх платками. Возможно, когда-то кокошники были дорогими, расшитыми золотом, головными уборами.

В изучаемое время женщины покрывали голову одним или двумя платками, количество которых зависело от того, одевались ли "управляться по хозяйству" (один платок) или собирались выйти на улицу (два платка). Яркие платки-*шалы*, надетые зимой поверх шуб и полушубков, оживляли внешний облик женщины на Рождество, Масленицу. В летние праздники – Петров день, Троицу – на женщинах можно было увидеть "хорошие", т.е. покупные, цветастые платки. При посещении моленной верующая обязана была покрыться большим верхним платком темного цвета. У старообрядок федосеевского согласия, в отличие от кержачек-*поморок*, платки подкалывали под подбородком не сложенными по диагонали, а развернутыми.

Стремлением держать дочерей и жен в "христианском смиреннии" можно объяснить запреты отцов семейств на ношение украшений, особенно серег. Однако далеко не все девушки и молодые женщины следовали поучениям "в ляпотуся не облашася". До настоящего времени сохранились воспоминания о стеклянных бусах-*патерках*, когда-то украшавших шею и грудь женщин.

Мужские рубахи, служившие нательной и одновременно уличной одеждой, кроились обычно с плечевыми швами и характерной русской застежкой с левого бока. Праздничную одежду украшали вышивками по груди, низу подола и старались шить из фабричных материалов. В качестве рабочей одежды бытовали рубахи из толстого изгребного холста *верхницы*, *верховья*. По общеславянской традиции, юноши подпоясывали рубахи ткаными узорными *опоясками*. Пожилые мужчины мало использовали яркие узорные пояса, но считали для себя уместными витые или ремни. Безрукавок, известных белорусам, переселившимся сюда из тех же мест что и старообрядцы, васюганцы не знали.

В качестве поясной домашней одежды использовались штаны-*порты* из отбеленного холста. Для выполнения хозяйственных работ на открытом воздухе старообрядцы переняли у местных старожилов широкие штаны-*чел/амбары*. Чембары шили из

В моленном доме федосеевцев.

окрашенного в темные цвета холста и носили по-сибирски, натягивая штанины поверх пимов.

Верхняя одежда была достаточно разнообразна и имела широкий спектр применения в зависимости от погодных условий: из полушерстяной домотканины – *шабур* использовался для выполнения хозяйственных работ. По своему типу шабуры повторяли известные у старожилов Западной Сибири халатообразные виды одежды. Специфичным, не известным для сибиряков, видом рабочей одежды являлась *ангерка* – одежда прямого покроя, сшитая в виде жакета из шерстяной домотканины, плюша. Другой одеждой межсезонья были привезенные из Белоруссии *сачики*. Их шили длиннее ангерок, прямого покроя с отложным воротником.

Зимние меховые шубы и более короткие полушубки шились из овчины мехом внутрь. Распространился в среде западных старообрядцев и еще более теплый вид одежды – *тулуп*, который надевали во время продолжительных отлучек из дома. В летнее время года покрывали голову валяными из шерсти шляпами. Зимними уборами служили овчинные шапки-ушанки. Мода на папахи оказалась мало поддержанной старообрядцами-федосеевцами. В названии нижних, вязанных из шерсти, рукавиц-*дзянки* сохранилась специфика северо-западной России. Наоборот, в названии верхних рукавиц – *лохматки*, которые по-сибирски изготавливали из собачьей шерсти, отразилась местная традиция.

Западные старообрядцы в отличие от этнических белорусов-переселенцев не носили *лаптей* в качестве повседневной обуви (за исключением жителей Платоновки). Однако многие селяне вспоминают, что лапти служили покосной обувью. В изучаемой болотистой местности с высоким снежным покровом русские переселенцы приспособились плести соломенные *снегоходы*, которые значительно увеличивали площадь стопы. Снегоходы мастерили очень больших размеров, чтобы в них входили *чарки*, *пимы* и прочая обувь.

Привезенным типом обуви являлись *поршини*, которые не только названием, но и кроем напоминали древнерусские – выкраивались из одного куска кожи. Основной обувью к 1930–1940-м годам стали сибирские *чаи/урки*, которые изготавливались также из кожи и опушались по верху полоской холста. Крестьяне достаточно активно занимались охотой, поэтому им требовалась особая промысловая обувь *бродни*. Бродни имели высокие, выше колен, голяшки и носились вместе с валяными шерстяными носками – *потниками*. *Пимы* (валенки) считались в Сибири необходимой принадлежностью зимнего костюма.

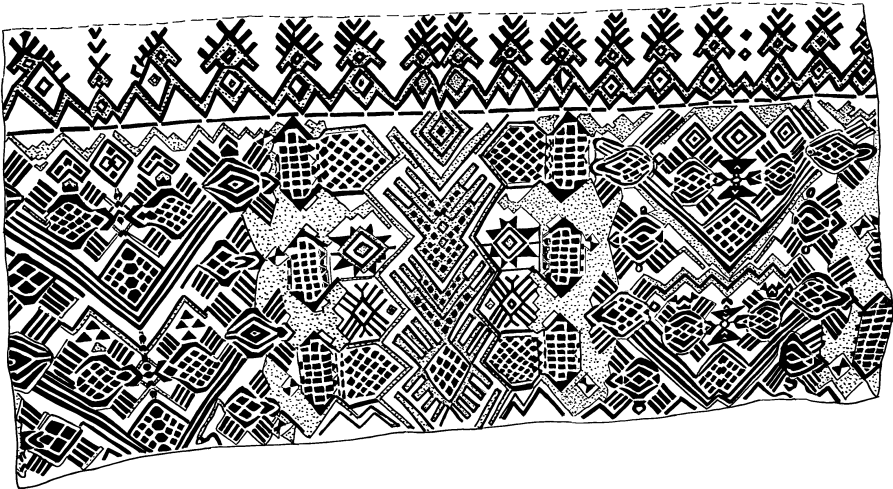
Орнаментальные традиции рукоделий старообрядок Васюганья характеризовались сложными сюжетными композициями. Привлекают внимание рисунки с антропоморфными фигурами, которые численно преобладают в просмотренном материале (11 экземпляров из 19).

Среди узоров ткачества, время изготовления которых можно отнести к 80–90-м годам XIX в., обнаружены наиболее архаические типы. Таким рукоделием безусловно является скатерть из д. Бергуль со сложным графичным рисунком, выполненным в технике *бранья*. Цветовая гамма монохромная – весь узор выткан льняными нитями красного цвета.

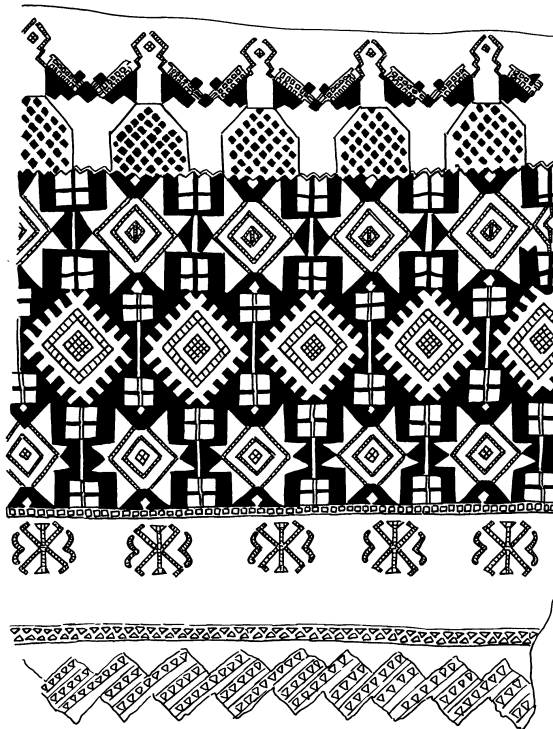
Верхний ярус здесь составляет ряд сросшихся уголками ромбов, из которых нижний, больший по величине, возможно, мыслился как туловище, а верхний, меньший – голова. Ромб-"голова" имеет продолженные стороны-"руки" (?) и сверху как бы направленные вверх линии ("волосы"?). Сходная иконография антропоморфных фигур довольно часто встречается в сюжетных орнаментах севера Европейской России и трактуется как женское божество плодородия, как бы его ни называли (Мать-сыра земля, Великая мать, Рожаница, Мокошь) (Маслова 1978: 123). Эта композиция, безусловно, сложная и насыщенная сакральными символами, включает в себя знаки, обычно трактуемые исследователями как "засеянное поле", солярные и "мировое дерево". Иконография центрального "дерева" с направленными кверху ветвями и сидящими на них "птицами" напоминает известные изображения деревьев в новгородских, костромских и других русских вышивках (Там же: 100–101).

Одно из полотенец с. Платоновки "забирала" (здесь: ткала в технике *бранья*) еще мать пожилой женщины, которая от нее также научилась ткать и вышивать. Верхний ярус узора составляют фигуры взявших за руки женщин, которые выполнены уже гораздо реалистичнее описанных ранее. Контакт фигур подчеркивается сплошной красной полосой, как будто еще прочнее "спаивающей" их вместе. Мастерицы называют эти изображения *панёнками*, что, возможно, указывает на девический статус изображенных. Г.С. Масловой было высказано предположение, что распространенный на Русском Севере для обозначения женских фигур в вышивке термин *паньи* может быть синонимичен не столько "барыне", сколько соотнесен с названием деревянных кукол *панки* и именованьем предков *панки, паньи* (Там же: 161). Возможно, что это замечание более справедливо по отношению к изображенным фигуркам на бергульской скатерти; что же касается рассматриваемого полотенца, то тут, на наш взгляд, помещено изображение не идолов, а девушек при выполнении сакральных действий – вождение хоровода.

На другом полотенце под панёнками расположена квадратная фигура: в центре ее пересеченный крест-на-крест меньший по величине квадрат, по сторонам которого четыре половинки женских фигур. Если фронтальные изображения, расположенные в верхнем ярусе, выстроены в линию и воспроизводят лишь часть хоровода, то внизу эти панёнки сгруппированы в замкнутую фигуру-"хоровод", представленный в данном

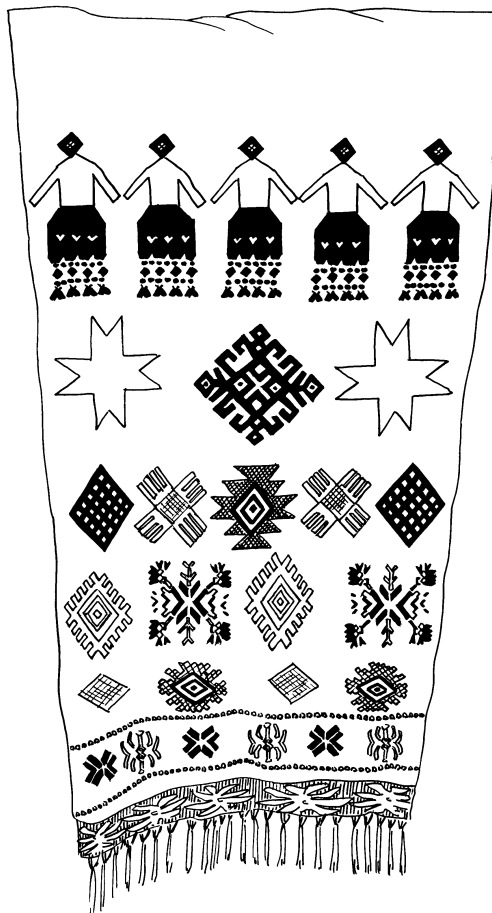

Браная скатерть. Д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл. Вторая половина XIX в. (Здесь и далее прорисовки с фото автора выполнены С. Шендрик.)

Браные концы полотенца. Д. Платоновка Северного р-на Новосибирской обл. Конец XIX в.

случае как бы с высоты птичьего полета. Расположенные ниже фигуры в виде пересеченных и лучистых квадратов, как и в описанном выше полотенце, являются графическими выражениями символов, связанных с аграрными и соляными культурами. Эта основная идея повторяется ниже: она фиксируется крестовидными фигурами, "про-

Скатерть с панёнками. Д. Платоновка. Конец XIX в.

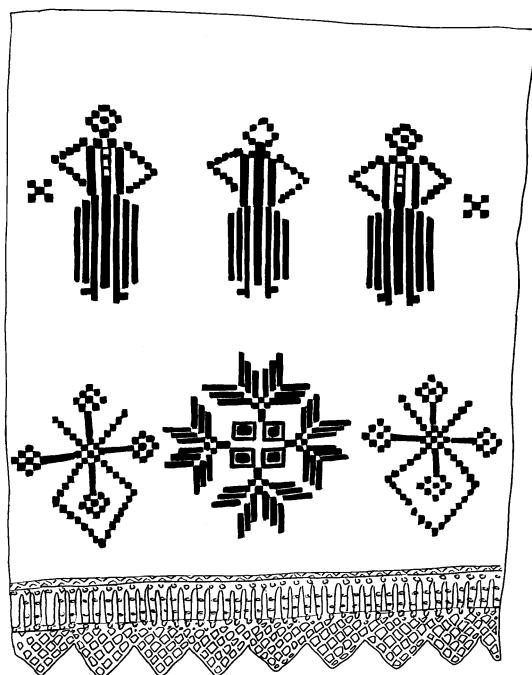
росшими" цветами, листьями, ромбами с "лучами" и характерными, уже описанными выше крестами-розетками, завершающими общую композицию.

В полотенцах типологически и хронологически более поздних, узоры которых выполнены техникой вышивки двухсторонним швом или крестом по счету, композиции уже значительно упрощены, хотя и повторяют в деталях основное содержание описанных. Эти полотенца, кроме того, выполнены в полихромной гамме, включающей, помимо красного цвета, синий, желтый, черный, зеленый. Женские фигурки, изображенные в верхнем ярусе, информантами также называются "панёнками", хотя они выглядят более реалистично, подобно "барыням", уткнувшим "руки в боки". С таким полотенцем соотносится скатерть, изображения на которой в какой-то мере "раскрывают" содержание ранее описанной тканой скатерти.

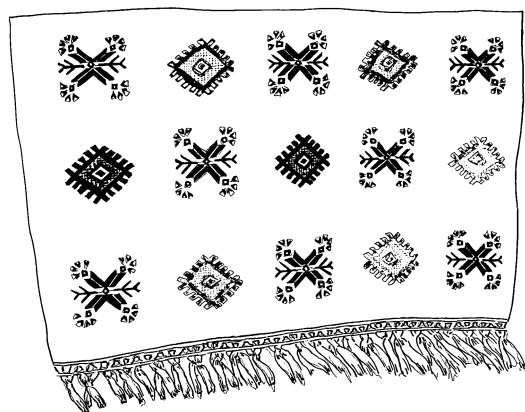
Вторую группу бергульских полотенцев составляют рукоделия, включающие геометризированные узоры растений, цветы-розетки, ромбы разнообразной конфигурации.

Несколько особняком стоит зафиксированное нами полотенце Ксении Винальевны Беловой из д. Бергуль. Выполнено оно в архаичной технике "двустороннего шва" с за-

a

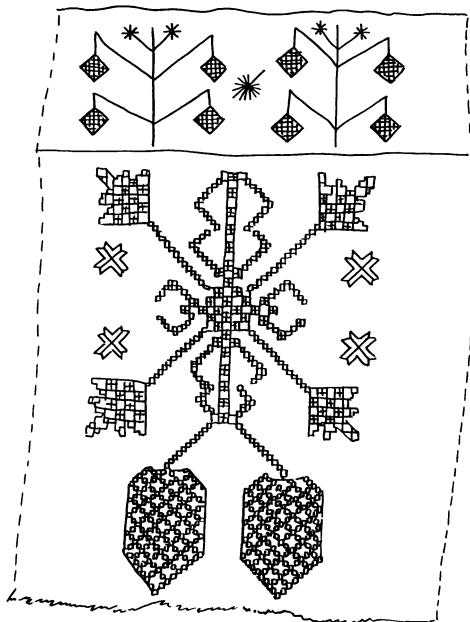

б

Концы полотенец: *a* – из д. Платоновка; *б* – из д. Бергуль. Конец XIX – начало XX в.

полнением некоторых фигур счетной "гладью" косыми стежками. Центральную часть композиции, расположенную между деревьями, составляет сложная фигура из ромбов, треугольников и пятиугольников, которую пока не удалось убедительно интерпретировать (возможно, это "лягушка"). По низу проложены восьмилепестковые розетки, оканчивающиеся крестами, по полю разбросаны крестообразные фигуры, в том числе усложненные разнообразными линиями. В верхней части изображены

Фрагмент полотенца. Д. Бергуль. Конец XIX – начало XX в.

шесть деревьев, имеющих по две ветви с каждой стороны, на которых висят "плоды" в виде пересеченных квадратов.

Традиции питания старообрядцев Васюганья. Как это было принято повсеместно в России и Сибири, в каждом домашнем хозяйстве выпекался свой хлеб: наиболее распространенными здесь были овсяной и ржаной. В среде изучаемой этнографической группы бытовало предубеждение против употребления белого хлеба. Один из долгожителей д. Макаровка Г.П. Федотов вспоминал наказ своего дяди, который говорил ему в детстве: "Не ешь белый хлеб – мало проживешь! Ешь аржаной" (д. Макаровка Кыштовского р-на Новосибирской обл.).

Любимыми блюдами можно назвать разнообразно приготовленный картофель в виде *драников*, *б/гульбишников*, *коканов*. Наиболее известны драники, которые готовились из сырых натертых, т. е. "драных", овощей. В отжатый картофель добавляли яйца и запекали в печи, добавляя немного жира ("когда подрумянятся, их переворачивали"). Для гульбишников картофель предварительно варили "в кожухах", затем остужали и шоркали, толкли, смешивая с мукой. В приготовленное из картофеля "тесто" могли добавлять яйцо. После того, как из этой массы раскатали небольшие лепешки, в центр укладывали начинку в виде бобов, моркови, брюквы, капусты, творога. Пожилая старообрядка К.В. Белова из д. Бергуль до сих пор предпочитает делать выпечку не на сковороде, а на капустном листе. К столу она подает их с блюдом толченых зерен мака. Впрочем, начинкой могли служить и зерна конопли, которые использовались также в приготовлении другого любимого блюда – *коканов*. Для них также готовилась "драная" картошка (толченая или тертая. – *Е.Ф.*). В данном случае коноплю закатывали в шарики, предварительно крепко отжав влагу. Шарики, которые и назывались "коканы", бросали в кипяток, добавив туда немного соли и молока.

Любой праздничный стол украшали пироги с начинкой из картошки, свеклы, моркови, мака, конопли. Из дрожжевого теста выпекались *бараночки*, *вуточки*. Вуточки имели форму бублика, с вылепленными из теста "птичьей" головкой и хвостиком. Шанежки лепили "морковными", "картонными" (картофельными), "с творогом", "с репой" (репу мелко резали и "вбивали" яйцо). При этом по форме – лепешка с загнутыми краями – они напоминали не сибирские шаньги, а известные в Карелии *калитки*. Фиксируется множество рецептов выпечки блинов на Масленицу, которые отличались самыми разнообразными компонентами, но всегда заводились без дрожжей. Наиболее распространены были блины из муки высшего сорта, называвшейся *крупчаткой*, с добавлением молока и яиц. Выпекали блины из овса: "Муку овсяную заливали, потом цедили. Маленько состоится и пекли. Соли добавляли". Из перемолотого на жерновах гороха пекли *гороховые блины*. По другому рецепту в картофельный крахмал добавляли молоко, яйца, вареную, предварительно толченую, картошку и выпекали *крахмальные блины*.

К традиционно праздничным, обрядовым блюдам раньше, как на местах прежнего жительства, так и потом в Сибири, относилась "круп/тенька", название которой не встречается в европейских материалах (*Липинская* 1987: 298). По В.И. Далю "крупенкой", "крупеней" в Новгородской и Псковской губерниях называли кашу, размазеньку, похлебку с крупой (*Даль* 1989: 202). У васюганцев так называли густо сваренный суп-кашу из пшеницы с курицей. Специальной палочкой с сучками, называвшейся "сукаё", вертели в кастрюле до тех пор, пока курица не распадалась на кости ("сукаешь мясо"). Движения при этом напоминали классический, известный древним людям способ добывания огня.

Капуста с огурцами была любимым угощением весной, во время Великого поста. Заготовки капусты по объемам превышали заготовки прочих овощей. Для одной средних размеров семьи (до 10 членов) рубили капусты по 15–17 и более ведер. Хранили капусту в чанах, при этом внутрь закладывались огурцы, которые таким образом засаливались в капустном соке.

На Пасху христославам подавали крашеные яйца, творожные шарики – *сырчики*. Последние готовили из творога с добавлением яиц и муки; шаровидные комочки запекались в печи. К Петрову дню старообрядцы Васюганья собирали праздничный обед, который должен был включать самодельный, разогревавшийся в топленом масле, "сыр с творогу". Обязательно выпекались блины, пироги; стол дополнялся свежеекопченной колбасой, окрошкой, супами.

Из напитков были распространены приготовленные на основе пророщенных зерен ржи *кулага*, *сусло* и *солодуха*. Эти сладкие напитки употреблялись особенно в период постов. У васюганских старообрядцев было принято делать кулагу густой, "как каша", с добавлением сушеной малины, сахара; ее ели на десерт, запивая чаем. В годы советской власти многие рецепты оказались утерянными, поскольку в селах не стали выращивать рожь и, таким образом, любители кулаг и суслы лишились главного компонента любимого напитка. В качестве поминального блюда у старообрядцев-федосеевцев варили пшеницу и при отсутствии изюма добавляли клюкву; примерно с 1920–1930-х годов начали использовать изюм.

У федосеевцев существовали запреты, изложенные в рукописных и старопечатных книгах, в которых сохранились поучения о недопустимости для христиан употребления алкоголя, чая, кофе и пр., однако квасы не сходили со стола. Причем их готовили не только в качестве основного напитка летом, но и систематически употребляли зимой.

Календарные обычаи и обряды старообрядцев Васюганья. Вечера накануне праздников назывались кутейниками. Так, вечер накануне Рождества носил название *рождественской кутьи*, Нового года – *новогодней кутьи* и Крещения – *крещенской кутьи*. Подобные названия были связаны с обычаем готовить в это время *кутью*, т.е. пшеницу с медом. Возможно, с этим термином связано обозначение обхода домов ряжеными – *кутить*. Для этой группы характерны несколько размытые представления об отличиях рождественских и новогодних обычаев. Из сообщений старообрядцев выясняется, что "молиться" и "сеять" пшеницу могли и в Рождество (пожилые женщины), и в Новый год (молодые женщины). В одних старообрядческих семьях признавали в это время запреты на прядение, в других пряли в Святые вечера. Мотивацией в последнем случае было желание показать свое неприятие языческих поверий и, наоборот, веру во всеохватные защитные свойства крестной силы.

Праздник Рождества отмечался молебном, который начинался около восьми часов вечера и продолжался всю ночь. По сообщениям информантов, колядки как вид рождественско-новогодних песен в васюганских селах не пели; посещавшие дома колядовщики в большинстве своем были выходцами из соседних не старообрядческих сел (название песен – "колядки" в среде местных старожилов встречается редко).

Как и повсеместно, на Рождество ходили "славить" Христа. С детства старообрядцы учили своих детей рождественскому тропарю "Рождество Твое, Христе Боже наш...". При этом, зная тропарь, кое-кто отказывался от кондака "Дева днес Пресущественнаго рождает...", неверно поясняя, что это песнопение "прибавили" в церкви, т.е. оно от "Никона".

Маскирования резко отвергались наставниками, а также частью наиболее законопослушных старообрядцев. Термин "шуликаны" (ряженные) не был известен в этой среде, где некоторые информанты настаивали на том факте, что ряженье здесь отсутствовало (д. Козловка Болотнинского р-на Новосибирской обл.).

Вместе с тем среди наших собеседников находилось немало людей 1910–1930-х годов рождения, которым хорошо запомнились посещения их домов святочными ряжеными. Если петь "Рождество..." ходили в основном дети младшего возраста, то маскировались, как правило, подростки. Маскированные назывались, подобно сибирским белорусским ряженым, *цыганами* или *дедами/дядами*. Некоторые сознательно отказывались от применения собственно масок, а также мазания сажей, использования рогов, хвостов и т.п., но, тем не менее, встречались и любители одеться пострашнее. *"Наряжались цыганкам, дядам. И сейчас это ведется. Платья большие, мониста долгие. Медведем снаряжались, шубу вывернут, тулуп"* (информант – А.С. Савельева, д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл.). *"Наряжались кто как сумел: цыганками, рога приделывали, сажей мазались. Одежду выворачивали, шубу, чирки страшные обуешь. Лицо мазали, чулки одевали, чтоб не узнать. Волосы распускали. Еще и пугали. Молодой дядюшка из бересты сделал рога, зубы вырезал, глаза... Пришел, в окно сунулся – мы закричали..."* (информант – Е.И. Филиппова, д. Макаровка Кыштовского р-на Новосибирской обл.).

Гадания хотя и вызывали неприятие у стариков-старообрядцев, однако среди некоторой части молодых девушек считались непременным условием святочных гуляний: пытали судьбу в предпразднства Рождества, Нового года, Крещения. Характерно снисходительное отношение к такому обычаю со стороны родителей. *"Девки у нас ворожили. Как же не ворожить? Старики где ругали, а где нет"* (информант Н.А. Яковлева, д. Макаровка). Отличительной чертой гаданий в старообрядческих семьях был отказ от снятия разного рода оберегов, как-то: пояса, креста и т.д., что объяснялось

опасением, "чтоб бес не пришел". В процессе полевой работы фиксировались различные способы гаданий о возможности выхода замуж, состоятельности мужа, количестве будущих детей и т.п. (Фурсова 2003а: 115–122).

Молодежные гуляния связывали с организацией коллективных развлечений, называвшихся по российскому, *вечёрками*. Молодежь пела "забористые" песни, танцевала модные для того времени танцы "кадриль с подскоком", "кадриль с переходом". Любимыми плясовыми танцами были так называемые *крутухи*, которые получили свое название от основного движения танцующих (парень брал девушку под руку и они вдвоем вращались на одном месте под музыкальное сопровождение и исполнение песен). Отметим, что такое же название в этих местах имели белорусские плясовые песни. Специфически местным развлечением было шуточное действие "кота гонять". При этом кто-либо из юношей передевался в вывороченный тулуп, к спинке которого прикрепляли хвост. "Кот" являлся на вечерки и балагурил с девушками, смешил, отпуская острые шутки.

На Крещение на р. Таре старообрядцы набирали воду наряду с "никонианами", сразу же пили сами и поили лошадей. «Считалось, что эта вода помогает при заболеваниях ("испугах") детей» (информант – М.Ф. Егорова, д. Бергуль). По этой причине освященную воду хранили в различных емкостях в течение всего календарного года. Однако водосвятный молебен на реке для старообрядцев, видимо, не был столь необходимым, так как встречались сообщения и о том, что в крещенскую ночь святую воду набирали прямо в реке. В деревнях белорусских "москалей" не было принято устраивать конские скачки, кулачные бои; подобным развлечениям предавалось население соседних старожильческих деревень, куда и ходили желающие посмотреть из Бергуля, Макаровка и других старообрядческих селений.

Согласно общерусской традиции вся неделя накануне Масленицы называлась *сквозной*, поскольку, за исключением мясной пищи, разрешалось есть молочные продукты ("молосное") каждый день; после шла *Родительская неделя*, когда при соблюдении постных дней – среды и пятницы – шли поминальные службы. Воскресенье накануне Родительской недели называлось мясные заговены. Праздник Масленки старообрядцы-федосеевцы Кыштовской, Верхне-Тарской волостей называли еще *Масляной неделей*.

Еще в конце 1930-х годов обязательными были массовые уличные катания, которые начинались с понедельника. Ездили на конях, спины которых покрывались "красивыми покрывалами"; дуги украшались разноцветными лентами и цветами. *"Сбруи набор набирали из кожи, вожжи браные со кистям, ленты, колокольчики к дугам. Едет – земля дрожит! Девки парни насаждают и катают!"* (информант – Д.Н. Шерстобитова, д. Ичкала Северного р-на Новосибирской обл.). Кроме того, у васюганских старообрядцев было принято привязывать к дуге и оглоблям орнаментированные полотенца. Управляли конями сельские юноши, а нарядно одетые девушки при этом пели грустную песню о рекрутчине, печали юноши, отчуждаемого от привычной деревенской среды: "Разъезжается душа добрый молодец,/На вóрном своем коне./Ой, да на кудрявушки расчесаны его волоса./Расчесаны его волоса./Ой, собиралися купцы да бояре./Любовались его кудрям... Скажи, скажи-ка добрый молодец,/Када воротиться назад?/Када воротиться назад?/Ой, я тада мама ворочуся,/Када моря травой зарастет".

Как и старожилы, старообрядцы Кыштовской, Шипицынской волостей на Масленку жгли сено и солому. Вспоминают, что гуляния сопровождалось прыжками юношей через костры. В д. Макаровке ходили вокруг костра и по деревне с шестом, на кото-

ром укреплялось горящее колесо. С Масленки, с таянием снегов, начинался завершающий этап женских рукодельных работ – отбеливание льняных холстов, который продолжался до восхода "травы". Старообрядцы Кыштовской вол. на Масленку не маскировались и, в отличие от соседствующих белорусов, не водили "медведей".

Как и во многих других старообрядческих группах, таинство покаяния совершалось в первый понедельник Великого поста. "*Перед постом каялись, грехи сдавали. Друг другу и наставнику грамотейшему. Он прощал*" (информант – И.С. Дудкин, д. Макаровка). В настоящее время этот обычай соблюдается даже людьми, не очень часто посещающими моленную.

У васюганских старообрядцев почитался праздник Благовещение, когда по распространенному поверью "птица гнезда не вьет, девица косы не плетет". "*Ни девушки, ни женщины волосы не чесали, не плели*" (информант – К.В. Белова, д. Бергуль). Кроме повсеместно распространенных запретов на выполнение хозяйственных работ, его значение особо подчеркивалось тем, что именно в этот день васюганцы смотрели "игру" солнца.

По распространенному обычаю практически во всех семьях в Вербное воскресенье ставили около икон веточки вербы. Как и в случае с крещенской водой, специальных обрядов освящения вербы не проводилось. Ветки берегли весь год, "от воскресенья до воскресенья", в красном углу. Весной их использовали как магическое средство: стегали в первый день выгона коров. Продолжают это делать и в настоящее время, надеясь, что корова будет "помнить" дорогу домой. В Верхне-Тарской вол. к Вербному воскресенью также украшали особым образом иконы: укладывали вокруг них незамысловатые цветы из цветастых бумажек или фантиков.

Обычай и обряды, приуроченные к праздникам. Существовал неизвестный другим этнографическим группам обычай к празднику Пасхи разбрасывать, или, по-местному, "растилать" в жилом помещении "ковелюю" (ржаную) солому. (По нашим материалам, так делали в тех семьях, где не фиксируется традиция покрывать к Троице пол папоротником.) К предпасхальной традиции крестьян-старообрядцев Васюганской равнины относились девичьи гадания накануне Пасхи (подобно тому, как это делалось в Святки).

Как и у прочих сибирских этнографических групп, праздник Пасхи длился неделю. Пасхальная служба продолжалась всю ночь, и в ней принимали участие взрослые и дети. В моленной во время "светлой утрени" старообрядцы совершали обряд *целование креста*: подходили по одному человеку к распятию и, сделав три земных поклона, целовали подножие креста и затем христосовались друг с другом.

Ранним утром первого воскресного дня Пасхи, порой еще затемно, появлялись славильщики, как правило, взрослые мужчины и женщины. Они обычно совершали обход компаний в сопровождении музыкального инструмента, чаще гармони. По сообщению информантов, традиция "славить Христа" никогда в их деревнях не прерывалась, какие бы события ни происходили в политической и экономической жизни страны. По этой причине хорошо помнится пасхальное песнопение: "Идет, братцы, вдоль улицы./Христос воскре(н) Божия./Тому двору хозяйскому./Христос воскре(н) Божия./Хозяйский двор на семь столбов./Христос воскре(н) Божия..." Далее в этой песне перечисляются главные праздники, отмечаемые церковью в течение календарного года. Основной мотив содержания подобных записей заключался в просьбе отворить окно и совпадал с "волоцебническими" песнями Витебской губ. (*Зеленин* 1914: 129, 140).

Основные развлечения и гуляния приходились не на первый день пасхальной недели из-за боязни грешить в столь великий праздник. По распространенному обычаю всю неделю парни и молодые женатые мужчины занимались катанием яиц по дощечкам в виде желоба – *лоточкам*. Для молодежи устанавливались качели, на которых парни качались вместе со своими девушками. До захода солнца молодым людям позволялось гулять в рощах и по улицам села. При сохранении обычая смотреть за игрой солнца, многие информанты убеждены, что солнце уже "не так стало играть", что объясняют греховностью современной жизни.

Несмотря на то, что собственно праздничными днями Святой Троицы считались воскресенье (Пятидесятница) и следовавший далее понедельник, приуроченные к этому событию обычаи растягивались более чем на неделю. В среде старообрядцев-переселенцев из западных губерний России и Белоруссии не было принято называть понедельник, или второй день троицкой недели, как у старожилов, Духовым. Структура праздника Троицы включала: ломание и установку в усадьбах берез в пятницу; парение свежими троицкими вениками в пятницу; поминание родителей в течение всей недели накануне Троицы; посещение кладбища в субботу; службы в моленной в субботу и в воскресенье (Троицу); гуляния молодежи.

Семи и сопровождавшие его обряды в этой старообрядческой группе не фиксируются. Накануне Троицы "по закону" ломали верхушки берез и ставили их по углам избы, ветки же втыкали под деревянную опору – "матку". Белорусское влияние можно видеть в обычае рубить, помимо берез, также черемуховые деревья.

У васюганских старообрядцев не был распространен, как у других этнографических групп Васюганья, обычай ставить срубленные деревья под окнами, у ворот и т.д. Березки не назывались, как это было принято у белорусов, и сибирских белорусов в частности, "маем". Пол устилали "папорткой", или "папортью" и прочими травами. "*Березки уторкаешь в потолок, папортник на пол на Троицу*", – поясняла Х.Ф. Голубцова из д. Бергуль. Причину внимания именно к "папорти" информанты объяснить не смогли. Женщины также собирали и составляли накануне Троицы букеты цветов. Вся зелень находилась в доме больше трех дней, затем подсушенные растения вывозились на поля.

Пожилые люди еще держат в памяти обычаи пятницы накануне праздника Троицы, когда ломали березовые веники, которыми парились в этот же день в бане. Подобный обычай сближает васюганских старообрядцев с вологодскими, орловскими, курскими и другими переселенцами из европейской России в Приобье.

В старообрядческих селениях Бергуль, Макаровка девичьи гуляния на Троицу сопровождались исполнением особых троицких песен. Совпадения с белорусскими обрядовыми песнями прослеживались не только в репертуаре, но и в ситуации их звучания (например, пение "Кумушки-голубушки" при приближении к реке, куда затем бросали венки). Молодые старообрядки плели венки, чтобы погадать на себя и парней, с которыми дружили. Полностью отрицали свое участие в этих обрядах старообрядки деревень Шерстобитовой, Платоновки.

Термин "кумение" был неизвестен информантам, однако воспоминания о том, что «девки собирались "за город" (огород. – Е.Ф.), на луг и жарили яишню», остались в их памяти. К девичьей компании могли присоединиться также парни (информант – М.Ф. Егорова, д. Бергуль). В отличие от этнических белорусов, у васюганских старообрядцев не распространены поверья о существовании русалок и особую опасность водоемов в троицкую неделю. Однако родители все же опасались в этот период разрешать детям купаться.

В отличие от представителей многих других этнографических групп Васюганья старообрядцы осведомлены о значении каждого из трех дней памяти "Пророка и Предтечи Крестителя Господня Иоанна" ("Иван – ему три раза в году праздники"). В праздник "Ивана" отмечали день рождения не только Крестителя, но и день ангела носителей этого имени. Васюганцы почитали также памятную дату "Усекновения честных главы святого и славного Пророка и Предтечи Крестителя Господня Иоанна" (29 августа по ст. стилю), который в разговоре сокращенно именовался "Иваном-главорезом" или "Постным Иваном" (видимо, в связи с бытовавшей поговоркой "Иван – с ведро качан", при помощи которой напоминали друг другу о сроках уборки капусты в эти дни). Гораздо менее известно содержание праздника "Собора святого и славного" Иоанна, приходящегося на 7 января по старому стилю.

Следует заметить, что из всех праздников, посвященных Пророку Иоанну Крестителю, только с днем "рождества" Крестителя был связан ряд обычаев и обрядов. По широко распространенной в Западной Сибири традиции старообрядцы Васюганья отмечали его массовыми обливаниями водой во всех деревнях. По этой причине праздник носил народное название Купалы. *"Было принято купаться на этот праздник, обливаться. Девчата друг друга в реку бросали. Всех, кого поймают, даже ребятишек, бросали в речку. Вода в реке из-за этого была мутная"* (информант – Л.К. Трофимова, пос. Северное Новосибирской обл.). *"Обливались... и сейчас бегают ребятня. И старых обливают, никто не против. Раньше колонок не было, дак мы у Тару бегали с ведрами"* (информант – Е.И. Филиппова, д. Макаровка). *"На Ивану Купалу обливаются и малый, и старый – вся деревня. И в воду бросают прямо в одежде"* (информант – Е.К. Прокофьева, д. Бергуль). У васюганских старообрядцев не устраивались купальские бесчинства, так называемая "рассташыха" с перегораживанием дороги, разбрасыванием домашней утвари и пр. Не зафиксированы в этой группе запреты на купание до праздника Купалы.

Праздник, посвященный святым славным и Всехвальным верховным апостолам Петру и Павлу, отмечали всенощными службами по Минее. К этому летнему празднику были приурочены молодежные гуляния на открытом воздухе, когда исполнялись песни, танцы. Многие информанты неплохо помнят крутухи, игровые ("Бояре, а мы к вам пришли"), шуточные ("Где ж ты был, мой черный баран?"), лирические песни ("При долине куст калиновый стоял") и др. По сообщениям, сено начинали косить, как и повсеместно в Барабе, с Петрова дня. *"Петров день отпразднуют и пойдут косить. Это как старики. Сейчас косят и до праздника"* (информант – Л.К. Трофимова, пос. Северное).

К Ильину дню была приурочена такая странная, на первый взгляд, поговорка: "Бог льдынку кинул" (на местном диалекте "льдынка" означает вязаную варежку). Из расспросов пожилых людей выяснилось, что это выражение предостерегало от купания в ставшей в одночасье холодной воде ("с этого срока Илья-пророк уже запрещал людям купаться"). В селах, где сеяли рожь, по рекам Таре, Тартасу и районам Приобья, с Ильина дня начинали жатву.

Группой васюганских старообрядцев особо отмечался праздник "Маккавей". Независимо от того, знали ли о "доблестных защитниках отеческой веры" семьи Маккавей васюганские старообрядцы или не знали, этот день почитали и почитают до сих пор ревностно охраняемым бездельем. Про этот почитаемый праздник говорили: "Сегодня Саковей (день памяти начальника Соловков преп. о. Германа, приходящегося на 30 июля по ст. стилю. – Е.Ф.), назавтра Маккавей" (информант – Д.Н. Шерстобитова, д. Ичкала Северного р-на Новосибирской обл.). Дата была приметна еще и потому,

что именно с Маккавея начинался особо строгий Богородичный, или Успенский пост. Вместе с тем с этим днем было связано множество примет. Считалось, что в названный день обязательно должен пройти дождь, к этим срокам "завивались" вилки капусты. "Вот Маккавей придет – качешки завьет". Могли также прогнозировать погоду: "На Маковея дождь помочит – семь недель мочить будет".

"На Богородицу", как называли Успение Богородицы, к бергульцам приезжали жители д. Макаровка; следовавший далее праздник Рождества Богородицы, называвшейся еще "Пречистая", был "приемным днем" у макаровцев. На Успение соблюдался строгий запрет на сельскохозяйственные работы: "жатва не жатва – мужики бросали". На праздник Успения Богородицы в Бергуль также съезжались жители из соседних старообрядческих деревень Платоновки, Ичкалы. На столы было принято подавать "драники" из картошки нового урожая.

Свадебные обычаи и обряды. Старообрядческие селения Васюганья составляли круг брачных связей: Бергуль – Макаровка – Платоновка – Морозовка. В отдаленной д. Козловка Гондательской вол. браки заключались преимущественно между односельчанами. В период гражданской войны и коллективизации, а также в связи с пропагандой интернациональных идей круги брачных связей стали постепенно размываться, однако пожилые информанты, сочетавшиеся браком в 1920–1930-е годы, все же по традиции были ориентированы на свою конфессионально-этнографическую группу. В том случае, если невеста оказывалась "никонианкой", т. е. православного вероисповедания, или относилась к другому согласию старообрядцев, ее по обычаю перекрещивали в "федосеевскую веру".

Можно согласиться с мнением М.Н. Мельникова об отсутствии в этой группе развернутого драматического действия на свадьбе (Мельников 1989: 97). Однако еще в 1930-е годы и позднее здесь все же сохранялся целый ряд своеобразных свадебных обычаев и обрядов. Свадьбу играли, несмотря на признание небрачия и несогласованность с законами Польского собора 1752 г. (Старообрядчество 1996: 288). У васюганских старообрядцев свататься ходили не родители парня, надумавшего жениться, а он сам и один из его друзей. После сватовства, когда осуществлялся *сговор*, невеста одаривала жениха своим платком, что являлось символом ее благосклонности и согласия. Жених также, по обычаю, отдавал невесте что-либо из своих вещей (например, гармошку). Несмотря на подготовку к предстоящему событию, этот период не назывался "девишником". Информанты утверждали, что специально невеста к свадьбе не шила и не вышивала рукоделия, не готовила приданого: молодой женщине приходилось довольствоваться тем, что отдавала ей мать из семейного достояния.

Когда жених приезжал за невестой, чтобы вместе ехать к венцу, родственники невесты не отдавали ее, но для большего эмоционального воздействия на него вели между собой разговоры о том, чтобы отрезать косу. Разыгрывание носило полушутливый-полусерьезный характер: шутливый момент заключался в том, что жених, подхватывая игру, просил не отрезать косу невесты, предлагая за это деньги; серьезным выглядел отказ родственников не отдавать ее без соответствующей платы со стороны жениха. Обычно после ритуальных "торгов" невестина родня соглашалась отдать девушку с косой.

В ряде сел невесту усаживали на хлебную квашню (*дзезу*), и брат "с невестиной руки" также разыгрывал намерение отрезать косу, в то время как жених делал вид, что противится этому и готов заплатить. Белорусское название обряда "пасад" в среде тарских старообрядцев не зафиксировано ни нами, ни предшествующими исследователями (Мельников 1989: 92). Поднятие невесты с "дзези" сопровождалось борьбой

неженатой молодежи: парни старались забросить квашенку на печь, что трактовалось как "заклинание" на безбрачие в предстоящем году, но девушки, заинтересованные в замужестве, наоборот, пытались вытащить ее на улицу. Однако есть и другие версии объяснения этого действия: если кадку перетянут на печку, то невеста будет в доме, брак состоится, если вытащат на улицу – "жить не будут". Приведем пример песнопений-причитаний невесты, которая прощалась с родней: "Солнышко мое прекрасное./У батьки жила горя век не видала...".

При обряде "расплетения косы" исполнялась свадебная песня: "Сидит она, ласточка/На горе, на горе./На сереньком камушке/Сидючи, сидючи. Плакала всё (имя невесты, например, Прасковьюшка)/По косе, по косе./Теперь русу косыньку/Не часать, не часать/Шелковую ленточку/Не вплетать, не вплетать...".

Обращает на себя внимание важная роль в предсвадебных и свадебных обрядах брата невесты, которому жених вручал деньги, чтобы тот расплел невесте косу и, заплетая две косы, повязал головной платок. Вся эта церемония сопровождалась плачами и причитаниями невесты, которую утешал и подбадривал жених. В д. Ичкале в первый день новобрачная сидела за столом с одной косой, убранная венцом, накосником и бантами. Обряд же расплетания косы осуществлялся на второй день свадьбы, уже с молодухой.

Перед тем как ехать для совершения свадебного чина в моленную, родители благословляли жениха и невесту иконой. Свадьбу играли в доме жениха. Еще до Великой Отечественной войны гулять на свадьбу приходили все желающие (позднее – только приглашенные). Невеста с женихом садились во главе стола на вывернутый шерстью вверх тулуп, дружка и подружка – рядом. Одаривание молодоженов осуществлялось после первого поцелуйного обряда: после криков "горько" кто-нибудь из родственников начинал "ходить с тарелочкой". Вначале одаривали молодых родители, потом остальные гости. "Свадебные" песни исполнялись как девушками, так и женскими, мужскими группами – "как закон". Приведем образец свадебной песни, которая исполнялась женской группой в первый день: "Калина с малиною рано-рано расцвела./Ой, тою порою-времечко, маменька дочку родила./Ой, не собравша с розамом в людшки ее отдала...".

Демонстрация честности невесты носила откровенный характер: именно результат постельного обряда являлся одним из основных моментов во всей свадьбе. Прилюдная демонстрация была приурочена ко второму дню свадьбы и имела название *блины*. Когда теща подходила с блинами к жениху и гостям, то он поступал следующим образом: "Если честная невеста, жених берет тарелку, которой накрыты блины, и бьет – вот это уже честная. Нечестная – не бьет" (информант – Х.Ф. Голубкова, д. Бергуль). Символическими в данном случае были сами выпеченные блины – дырчатые или наоборот, старательно выпеченные без дырок. В д. Ичкале, когда брат менял прическу молодой, жених подавал ему платок для повязывания ее головы *по-бабичьи* и деньги (одной крупной купюрой, если девушка "честная"). Характерным знаком "честности" невесты являлась красная лента или красный бант на бутылке вина при застолье.

В среде козловских старообрядцев родители невесты не являлись на свадьбу дочери без особого приглашения. Они приглашались лишь на второй-третий день, нередко после свадьбы: молодой приезжал к ним с *хлебиной* и официально звал в гости. Приехавших к дочери родителей хозяева встречали с подношением блинов. В процессе общения и застолья показывалась *молодушечья рубаха*. Прожив после свадьбы в доме жениха неделю, молодуха шла в гости к родителям.

Головной убор новобрачной с накосником и бантами. Д. Ичка-
ла Северного р-на Новосибирской обл.

В заключении можно отметить, что исследование многих элементов традиционной культуры, менталитета, языка и фольклора группы старообрядцев, переселившихся в Сибирь из Белоруссии и сопредельных районов Прибалтики, дает возможность осветить определенные этапы их этнической истории и результаты этнокультурных взаимодействий. Особенно анализ одежды, в частности, нательных рубах, позволяет сделать вывод об их северном, севернорусском и, отчасти, московском происхождении.

Это вполне объяснимо: ведь, как известно, федосеевское беспоповское согласие сложилось первоначально в Новгородско-Псковском крае и затем постепенно распространилось в Петербургской, Ярославской, Московской и других губерниях. Ранние формы сарафанов с близким к описанным шубейкам покроем обнаруживаются среди новгородских и псковских сарафанов "с грудинкой", а со сходным названием "шубка" – в Каргопольском и Повенецком уездах Олонецкой губ., costume однодворцев Курской губ. (Крестьянская одежда 1971: 59, 93, 141, 182). Распространение изобразительных мотивов в декоративно-прикладном искусстве (женских рукоделиях) тарских старообрядцев позволяет также связать происхождение этих мигрантов с северными областями Европейской России. Иконография изображений на полотенцах и скатертях сибирских старообрядцев Васюганья, как кажется, наиболее близка к узорам Вологодской, Новгородской губерний. В Сибирь федосеевские старообрядцы привезли рукоделия, испытавшие некоторое влияние белорусской вышивки, которое проявлялось в ряде экземпляров полотенца (*Романюк* 1981: 129–130, 132, 135, 139 и др.). Можно констатировать, что у бергульцев бытовали более архаичные сюжеты "хороводов девушек", расположенных над ромбами и розетками, чем аналогичные реалистического вида вышивки в Белоруссии (Там же: 341).

В области календарной обрядности старообрядцы–выходцы из западных губерний России, Белоруссии – перед миграцией в Сибирь заимствовали у белорусов Виленской, Витебской губерний те обычаи и обряды, которые не противоречили их христианским убеждениям и были понятны с точки зрения их собственных традиций (например, на Троицу наряду с березой могли устанавливаться черемуховые деревья, однако практически не встречаются характерные для белорусов поверья в русалок).

Специфика свадебных обычаев старообрядцев по рекам Таре, Иксе были обусловлены их принадлежностью к федосеевскому небрачному согласию, чем можно объяснить отсутствие некоторых этапов, характерных для русской свадьбы. Однако немногочисленные действия дополнялись достаточно развитым фольклором. Северно-среднерусские традиции проявлялись в вербальной активности невесты, которая произносила причитания прощального характера, сопровождавшиеся плачами. Вместе с тем здесь отсутствовали устойчивые для Русского Севера обычаи девичника, предбрачная баня невесты и пр. Одним из ярких эпизодов свадьбы был *посад* молодых, происходивший в доме невесты, что было характерной чертой украинско-белорусско-южнорусского варианта свадебных обрядов восточных славян (Этнография 1987: 407).

Следовательно, в ходе взаимодействия культуры старообрядцев Васюганья с белорусской, сибирской традициями практически не подверглись влиянию традиционные жилище, одежда, сохранившие севернорусскую основу; в той или иной степени испытывавшими воздействие оказались орнаментации женских рукоделий, традиции питания, некоторые календарные и свадебные обычаи. Возможно, что в разные исторические периоды в состав группы вошли белорусы, некоторые финские народы (принявшие старообрядчество).

Источники и литература

ГАТО 1 – Государственный архив Томской обл. Ф. 196. Оп. 19. Д. 227.

Власова 2001 – *Власова И.В.* Севернорусская крестьянская усадьба // Русский Север: Этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2001.

Даль 1989 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1989.

Заварина 1986 – *Заварина А.А.* Русское население в восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX в.: Историко-этнографический очерк. Рига, 1986.